Проблемы трактовки и восприятия истории ГДР в единой Германии

© Хорольская М. В.

© Khorolskaya M.

Проблемы трактовки и восприятия истории ГДР в единой Германии Problems of treatment and perception of history of GDR in united Germany

Аннотация. Возросшая в условиях европейских кризисов поддержка популистских и праворадикальных политических сил на территории бывшей ГДР доказывает, что единство Германии не достигнуто. Одна из причин сохранения различий между западом и востоком — отсутствие единого представления о прошлом ГДР. На основании анализа официальной переработки истории Восточной Германии, представлений о прошлом населения новых федеральных земель, а также феномена «остальгии» показаны ошибки, допущенные в исторической политике, и перспективы их исправления.

Annotation. The growth of the support of euroskepticism and right-wing radicalism in the former GDR territory allows us to raise the question, if the unity of Germany hasn't achieved yet? One of the reasons of the persistence of a difference between east and west Germany is the absence of a united concept about the history of the GDR. According to analysis of the official revision of the GDR-history, east Germans' perceptions of the past, as well as the phenomenon of "ostalgie" we make conclusions about mistakes in a politics of memory and possibilities to correct them.

Ключевые слова. Историческая политика, объединение Германии, новые федеральные земли, история ГДР, остальгия.

Key words. Politic of memory, unification of Germany, new federal states, history of GDR, ostalgie.

Представление о прошлом — один из наиболее важных элементов «легитимации и делегитимации социального порядка, конструирования групп и артикуляции идентичностей, политического целеполагания» [9. С. 13]: прошлое — инструмент объяснения и формирования настоящего. История ГДР — один из важнейших аспектов конструирования единой немецкой нации.

Проблема недостаточной интеграции населения бывшей ГДР в единую Германию, а также влияние на ситуацию в новых федеральных землях (НФЗ) социального и политического наследия Восточной Германии приобретают особую актуальность. С 2008 г. Европейский Союз переживает череду кризисов: экономический и финансовый, кризис демократической легитимности, миграционный. Одним из следствий этих кризисов стал рост популярности партии евроскептиков «Альтернатива для Германии», которая получает в новых землях почти вдвое больше

ХОРОЛЬСКАЯ Мария Витальевна — аспирантка Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН).

голосов, чем в старых. В восточногерманской Саксонии в 2014 г. было основано протестное движение ПЕГИДА — Патриотические европейцы против исламизации Запада (PEGIDA — Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes), которое выступает против исламского влияния в Европе, приема беженцев, политики мультикультурализма. Среди причин всплеска протестных и правых настроений на территории бывшей ГДР — отличия политической культуры населения. Сотрудник Ведомства уполномоченного по материалам Министерства государственной безопасности ГДР Илко-Саша Ковальчук заявил: «Видя зараженную экстремизмом Восточную Германию, можно только констатировать, что историко-политическая миссия поддерживаемой государством переработки¹ (истории ГДР. — Х. М.) провалилась» [17].

Формирование концепции исторической политики в первое десятилетие после воссоединения

Сразу после воссоединения в Германии начались дискуссии об исторической политике по отношению к прошлому ГДР. И с западной, и с восточной стороны было много сторонников как забвения, так и переработки истории Восточной Германии.

Наиболее активно за переработку выступали восточногерманские диссиденты. Они предотвратили уничтожение материалов Штази (МГБ ГДР) и добились обеспечения доступа всем пострадавшим к своим досье. Литературовед Клаус Михаэль заявил: «Тот, кто требует прекратить дискуссии о “штази”, еще раз жертвует теми, кого это коснулось» [2. С. 51]. Стремление правозащитников к переосмыслению истории, наказанию виновных в преступлениях режима в этот период разделяли 94% населения [7].

С другой стороны раздавались призывы сторонников забвения. В НФЗ об этом говорили как лица, связанные со злоупотреблениями власти, так и те, кто считал, что переработка прошлого ГДР, в особенности деятельности МГБ, может привести к массовому сведению счетов, затруднить процесс воссоединения и примирения. Такой же точки зрения придерживались некоторые представители руководства ФРГ — в частности канцлер Гельмут Коль² и министр внутренних дел

¹ «Die Aufarbeitung» представляет собой многозначное понятие. В данном случае оно включает два взаимосвязанных процесса. Во-первых, проведение научных исследований, посвященных различным аспектам истории ГДР, закрепление их результатов в научной и методической литературе, местах памяти и т. п. В таком случае наиболее адекватным переводом представляется «переработка». Во-вторых, процесс критического восприятия, переоценки населением своей истории: в данном случае наиболее подходящими представляются понятия «переосмысление» или «преодоление». Термин «преодоление прошлого» также является переводом немецкого «Vergangenheitsbewältigung», который изначально означал критическое осмысление истории Третьего рейха, а сейчас используется и в отношении ГДР.

² Стремление Коля к забвению прошлого ГДР, в особенности противодействие свободному доступу к архивам Штази, может объясняться опасением обнародования досье самого канцлера, в котором могла храниться информация о его злоупотреблениях.

Вольфганг Шойбле. Позднее Шойбле так объяснял свою позицию: «Я рекомендовал этот вариант, как и Гельмут Коль, чтобы разногласия, связанные с прошлым, не... обременяли восстановление и будущее новых федеральных земель» [7].

Победил первый подход. Хотя большой вклад в крушение ГДР и возможность преодоления его прошлого внесли восточногерманские оппозиционеры, основная роль в переработке истории перешла к западногерманской элите, стремившейся повторить послевоенный опыт союзников в разоблачении диктатуры.

Для работы с документами Штази было создано Федеральное ведомство уполномоченного по материалам МГБ. Были сформированы управления и рабочие группы для расследования преступлений неправового режима ГДР. Наибольший резонанс вызвали процессы против политических лидеров Восточной Германии как ответственных за «преступные законы». По итогам анализа около 75 тыс. дел 753 обвиняемым был вынесен обвинительный приговор. К лишению свободы были приговорены 580 человек, из них 534 — условно и только 46 человек — реально [22. С. 43].

В 1992 г. решением бундестага была создана комиссия «Переработка истории и последствий диктатуры СЕПГ», в которую вошли представители всех партийных фракций пропорционально членству в бундестаге, а также приглашенные ученые. По итогам ее работы в 1994 г. в бундестаге был представлен доклад, в котором режим СЕПГ был признан диктаторским [11]. Но так как выводы носили теоретический характер, а задача комиссии дать практические рекомендации парламенту была выполнена лишь частично, в 1995 г. была созвана вторая комиссия «Преодоление последствий диктатуры СЕПГ в процессе немецкого объединения», которая занималась не только проблемами истории, но и предоставила анализ сложностей интеграционного процесса. На основании исследований комиссией были даны рекомендации по улучшению политической, социальной и экономической ситуации в НФЗ, а также исторической политики [25].

Бундестагом были приняты концепции государственного содействия местам памяти (Gedenkstätten). В первой концепции 1994 г. были названы условия для получения мемориалами финансирования от государства [12]. Во второй концепции 1999 г. был представлен список мест памяти, относящихся к истории Третьего рейха и Восточной Германии. Все мемориалы, посвященные прошлому ГДР, рассказывали о преступной деятельности Штази и разделении Германии [21]. Коммунистический режим в данной концепции практически приравнивался к национал-социалистическому.

Такая интерпретация прошлого Восточной Германии вызвала недовольство Партии демократического социализма (ПДС), наследницы правящей в ГДР СЕПГ. ПДС критиковала государственную переработку истории как проявление «неоколониализма» и «символической экспроприации», резко выступала против отождествления режима СЕПГ с гитлеровским, считая, что это нивелирует преступления последнего [13].

Представители ПДС, позднее Левой партии³, отмечали, что односторонняя переработка истории, при которой освещаются только преступления режима СЕПГ и Штази, но отсутствует критический разбор политики Западной Германии и действий БНД (Федеральная разведывательная служба ФРГ), превращает население бывшей ГДР в людей «второго сорта».

Бывшие оппозиционеры ГДР не были удовлетворены исторической политикой из-за недостаточного, по их мнению, отражения их вклада в свержение режима. Они были недовольны и двойными стандартами, которые проявлялись в переработке прошлого восточных и западных немцев, что иллюстрирует дискуссия о проверке граждан Западной Германии на предмет сотрудничества с МГБ ГДР.

С момента объединения каждый восточный немец, претендующий на государственную должность, должен был доказать свою непричастность к деятельности Штази, что автоматически ставило бывших граждан ГДР в положение оправдывающихся, подозреваемых. Западные немцы были от этого освобождены. Однако в 2003 г. в ФРГ из США были доставлены копии актов Штази («Розенхольц») о сотрудничестве с восточногерманской спецслужбой граждан Западной Германии. Представители различных партий, в основном бывшие восточногерманские диссиденты, выступили с предложением в связи с новыми данными проверить и западногерманских госслужащих, а депутатов бундестага призвали подать в этом пример — добровольно согласиться на проверку. Однако это вызвало резкую критику политиков из Западной Германии, которые ссылались на высокие затраты и презумпцию невиновности, в соответствии с которой «правовое государство предполагает, что люди не должны доказывать свою невиновность» [5]. В связи с этим предложение было отклонено. В данном случае раскол проходил не по партийной линии, а между однопартийцами — уроженцами Востока и Запада.

Последующий анализ картотеки «Розенхольц» показал, что слухи о повсеместном внедрении Штази в западногерманскую систему были преувеличены, а проверка всех госслужащих из западных земель была бы значительной нагрузкой на бюджет. Добровольная проверка депутатов бундестага из Западной Германии, как символический акт, могла бы снизить у восточных немцев ощущение себя людьми «второго сорта», или «вечными подозреваемыми», не ставя при этом под сомнение легитимность системы ФРГ, но эта возможность была упущена.

Отношение восточных немцев к ГДР и феномен «Осталгии»

Поддержка в НФЗ переработки истории ГДР после воссоединения начала снижаться. Уже в конце 1991-го — начале 1992 г. за открытый расчет с прошлым выступали 40%, а за подведение черты — 45% восточных немцев [7]. В 2006 г. 65% граждан считали, что необходимо перестать

³ В 2007 г. ПДС объединилась с западногерманской партией «Труд и социальная справедливость — Избирательная альтернатива» (ИА-ТСС) и стала называться «Левая партия».

спрашивать людей о возможных прошлых связях со Штази [26]. Одновременно на востоке росло недовольство трактовкой истории ГДР. Данные изменения объясняются рядом факторов.

Во-первых, основную роль в переработке истории ГДР взяли на себя западногерманские политические и интеллектуальные элиты, проявлявшие в данном вопросе высокомерие. Бывшим гражданам ГДР «приходилось выслушивать, что они до последнего момента проживали в неправовом государстве, в чем они все, в той или иной степени, сами виноваты. Разумеется, это сплачивает их в сообщества солидарности, о которых прежде и помышлять было невозможно» [3. С. 124]. Подобный «нетактичный» подход к прошлому населения НФЗ способствовал тому, что восточные немцы ощущали себя людьми «второго сорта», воспринимали критику режима, как атаку на их личность и прожитую жизнь. 55% считали, что их жизненные успехи в ГДР не признаны в объединенной стране [24. С. 183].

Во-вторых, экономические и социальные проблемы — безработица, неравенство, конкуренция, отсутствие уверенности в завтрашнем дне, с которыми восточные немцы столкнулись после воссоединения, — заставили их критичнее воспринимать политику ФРГ и с ностальгией вспоминать социальные гарантии ГДР. Восточные немцы считали, что в ГДР по сравнению с объединенной Германией были лучше решены вопросы социальной и даже личной защищенности, занятости, взаимодействия с властью, культуры, социальных связей [30. С. 792].

В-третьих, недовольство восточных немцев вызывал тот факт, что созданный исторической политикой образ ГДР редуцирован до диктатуры СЕПГ и надзора Штази. Он исключал повседневную жизнь, судьбы людей, которые не были ни политическими преступниками, ни жертвами.

В-четвертых, воспоминания восточных немцев о ГДР отличаются от представлений о Восточной Германии, которые сложились у западных немцев или транслируются СМИ. Высокий процент населения НФЗ полагает, что в реальности некоторые аспекты в ГДР были лучше, чем это отображается в СМИ: работа, детские сады и ясли, здравоохранение, социальная безопасность, отношения между людьми, образование [33. С. 54]. Около половины восточных немцев спустя 20 лет после воссоединения считает, что у ГДР было больше положительных, чем отрицательных сторон [23].

Если у восточных немцев преобладают положительные воспоминания (у 33,2% — очень хорошие, у 48,1% — хорошие, негативные — у 15%, очень негативные — у 3,8%), то воспоминания западных немцев, сложившиеся опосредованно, из рассказов родственников и сообщений СМИ, — негативные (41,7%) и очень негативные (30%) [28. С. 121].

Эти различия транслируются и на поколение, родившееся после объединения. 67% западных и только 35,1% восточных школьников 16—17 лет считали, что ФРГ была лучше ГДР [18. С. 47]. Значительная часть восточногерманских школьников считала, что Штази была нормальной секретной службой, и отвергала информацию о политическом надзоре. Учащиеся из восточных земель полагают, что в ГДР лучше, чем в бывшей

ФРГ, был решен вопрос с образованием, детскими садами и школами, правом и порядком, безопасностью, досугом для юношества, пенсиями, заботой о стариках, социальной справедливостью, учебными местами, ценами на книги и пластинки [19. С. 283]. Однако и для западногерманских, и для восточногерманских школьников характерна следующая зависимость: чем больше они знают о ГДР, тем хуже к ней относятся [18. С. 31].

Воспоминания восточных немцев о повседневной жизни, которые не соответствовали официальной исторической политике, стремление добиться понимания, показать, что «не все было плохо», нашли выражение в феномене остальгии.

Термин «остальгия»⁴ образован от соединения слов «ностальгия» и «ост» (восток) и означает тоску по исчезнувшей ГДР. Он не всегда означает идеализацию ГДР: скорее, имеет место стремление сохранить в памяти ее положительные или важные для отдельного человека элементы — в первую очередь воспоминания о будничной жизни. Этот феномен начал складываться вскоре после воссоединения, достиг своего пика в начале 2000-х гг., затем пошел на спад, но сохраняется и сейчас.

Остальгия нашла отражение в различных жанрах искусства и сфере потребления. В наибольшей мере она проявилось в литературе. Разнообразные, в том числе критические, преломления темы ГДР присутствуют в творчестве таких писателей, как Й. Шпаршу, И. Шульц, К. Вольф, Т. Бруссиг, А. Грешнер, Я. Хензель. О значительном влиянии этого феномена на литературу единой Германии свидетельствуют итоги Немецкой книжной премии. Из последних десяти призеров четверо поднимали в своих книгах вопросы прошлого ГДР. Наибольшую известность из них получил Уве Телькамп с книгой «Башня».

В кинематографе выходит большое количество фильмов, посвященных ГДР. Наиболее популярными и значимыми из них являются «Солнечная аллея» Леандера Хаусмана (1999), которого обвиняли в идеализации прошлого, и «Гуд бай, Ленин» Вольфганга Беккера (2003), анализирующего саму остальгию. Не менее известный фильм «Жизнь других» Флориана Хенкеля фон Доннерсмарка (2006), получивший «Оскара», был посвящен преступлениям Штази — за что удостоился высокой оценки партии «Союз 90/Зеленые».

В начале 2000-х гг. получили популярность телевизионные Остальгишоу, в которых загадывались загадки о повседневной жизни в ГДР, приглашались популярные личности того периода [10. С. 75—76], а также журнал *Super Illu*. Возросло внимание к предметам повседневной жизни — огурцы «Spreewälder Gurken», человек со шляпой в светофоре, автомобиль «Трабант».

Историческая лагуна, созданная усеченным отображением прошлого ГДР, начала заполняться частными музеями, специализирующимися на повседневности. Их экспозиции призваны в первую очередь не отразить исторический нарратив, а создать у посетителей впечатление, образ (по

⁴ Впервые этот термин появляется в 1992 г. в программе кабаретистов Тома Паульса и Уве Штаймле.

большей части ностальгический) ГДР. Наличие большого количества частных музеев показывает, что эта тема востребована и коммерчески успешна.

Остальгия вызывает резкую критику официальных лиц. Политики выступали против попыток «обелить диктатуру СЕПГ». В ответ на утверждение организаторов остальгических программ, что нет ничего плохого в том, чтобы расширить круг восприятия, показать, что в ГДР у населения тоже были маленькие радости, уполномоченный правительства по правам человека Гюнтер Нооке высказал мысль, что в таком случае можно ожидать «шоу Третьего рейха», т. к. в этот период люди тоже любили, жили, пели [4].

Остальгия — более сложное явление, чем стремление обелить СЕПГ. Она не является исключительно восточногерманским продуктом. Многие известные товары, связываемые с ГДР, созданы западными немцами, например, упомянутые журнал *Super Illu* и фильм «Гуд бай, Ленин». В данном случае интерес к быту Восточной Германии объясняется тягой к экзотической реальности, какой являлись для западного мира страны восточного блока, и стереотипным ее осмыслением.

Вопреки существующему убеждению, остальгия не представляет собой стремление вернуться к социализму ГДР, т. к., несмотря на реализуемые социалистические символы, она прочно вписана в капиталистическую систему. «Музей ГДР» является одним из наиболее посещаемых в столице, в год он принимает примерно 500 тыс. посетителей; в сувенирных магазинах столицы высоким спросом пользуется атрибутика, связанная с ГДР и Берлинской стеной. Товары восточногерманских марок — к примеру шампанское *Rotkäppchen* — используют старую символику для увеличения продаж. Таким образом, остальгия является развитием, а не устремленностью в прошлое. Она позволяет восточным немцам выйти из тени западных, укрепить свою самоидентификацию.

Профессор Клаус Кристоф объясняет остальгию как стремление к обещанному счастью: она отличается от ностальгии, как тяга к дальним странствиям от тоски по Родине. Это тоска не по реальной ГДР, а по тому, что ГДР обещала [16. С. 687].

Для многих остальгия — воспоминание о молодости или детстве. Писатель Т. Бруссиг в ответ на критику своих произведений сказал: «Мое детство прошло в ГДР. Это не делает ГДР лучше. Но, несмотря на это, я охотно вспоминаю детство» [27. С. 235].

Можно считать остальгию свойственным человеку стремлением сохранить исчезающее прошлое. Если обычно человек не успевает заметить изменений, то жители ГДР столкнулись с тотальными и быстрыми переменами в повседневности: исчезновением знакомых продуктов, названий улиц, зданий, телепрограмм, — что вызвало чувство потери и стремление сохранить часть утраченного. В федеральной исторической политике первого десятилетия были допущены ошибки, которые привели к ощущению, что все восточногерманское прошлое обесценено и «забывается». В данном случае остальгия — это стремление помешать «забыванию».

Изменения в государственной исторической политике

Недовольство граждан НФЗ и ряда представителей политической элиты официальной трактовкой истории ГДР, появление остальгии побудили красно-зеленую коалицию (Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) и «Союз 90/Зеленые») к преобразованиям в исторической политике. В 2005 г. по инициативе министра культуры Кристины Вайс (СДПГ) из представителей научно-исторического сообщества и бывших участников гражданского сопротивления ГДР была созвана комиссия, получившая название «Комиссия Заброва» (Sabrow-Kommission) по фамилии председателя — историка Мартина Заброва.

В 2006 г. она пришла к выводу: в то время как тема «репрессивные и контролируемые аспекты диктатуры ГДР» была хорошо раскрыта, поля «оппозиция и противостояние» и «власть и общество» остались недопредставленными. Чтобы обеспечить равное внимание различным аспектам истории, было предложено выделить для переработки три смысловых блока: «Власть — общество — сопротивление», «наблюдение и преследование», «разделение и границы», за каждый из которых должен был отвечать отдельный институт [32. С. 663—664]. Была отмечена необходимость уделить большее внимание повседневности ГДР, наличию не только притеснений, но и «связующих сил» в обществе, встроить разделение Германии в мировой контекст «холодной войны». При этом сам Забров выступал против трактовки повседневности ГДР в отрыве от диктатуры СЕПГ.

Предложения комиссии вызвали широкую критику. Глава исследовательской группы «государство—СЕПГ» в Свободном университете Берлина Клаус Шредер обвинил их в том, что «различия между диктатурой и демократией исчезают под фасадом повседневности и общества». С подобными возражениями выступали также Хуберт Кнабе, глава мемориала в здании бывшей тюрьмы Штази Берлин-Хоэншёнхаузен, и бывший глава Мюнхенского института современной истории Хорст Мёллер [15. С. 30]. Концепция «Комиссии Заброва» не нашла поддержки и у следующей правящей коалиции под руководством Христианской демократической партии/Христианского социального союза (ХДС/ХСС), которая пришла к власти в 2005 г. Министр культуры Бернд Нойманн (ХДС) высказался о ней сдержанно, а министриаль-директор раскритиковал за попытку «тривиализации диктатуры СЕПГ». О неприятии ХДС/ХСС предложений данной комиссии свидетельствует то, что в отчете 2013 г. министра культуры Нойманна о переработке диктатуры СЕПГ среди значимых вех работы над преодолением истории ГДР «Комиссия Заброва» не упоминается.

В 2007 г. Нойманн выступил с проектом новой концепции мест памяти. В ней впервые оговаривалась неправомочность приравнивать режим СЕПГ к НСДАП. Места памяти были сгруппированы в четыре основные категории, близкие рекомендациям «Комиссии Заброва»: разделение и границы, надзор и преследование, повседневность ГДР, противостояние диктатуре СЕПГ [31]. После длительных дискуссий и критики пар-

тии «Союз 90/Зеленые» в 2008 г. обновленный вариант концепции был принят [20].

Первые две темы — «разделение и границы» и «надзор и преследование» — уже были отражены в экспозициях музеев и мемориалах, связанных с Берлинской стеной, границей между ГДР и ФРГ и местами заключения.

Главным отличием от концепции 1999 г., — вероятно, обусловленным влиянием «Комиссии Заброва» и феноменом «остальгии», — является выделение такого тематического блока, как повседневность ГДР. Однако «повседневность» предполагает не отображение еще одной грани прошлого, а расширение темы репрессий и неправового государства. Основной задачей этой темы было «решительно противостоять обелению и смягчению диктатуры СЕПГ и остальгии» [31], показать, что люди в ГДР жили в условиях постоянного государственного контроля. Данные положения были реализованы во временных и постоянных экспозициях. Например, Домом истории было открыто место памяти «Дворец слез», посвященное расставанию родственников из ГДР и ФРГ на вокзале, а также Музей повседневности ГДР в берлинской Культурбройеряй⁵. Несмотря на декларируемую объективность, признание достижений простых людей, некоторые инициативы задевают восточных немцев⁶.

Четвертой теме, «оппозиция и сопротивление», в концепции 2008 г. уделялось значительно большее внимание, чем в предыдущих. Было запланировано сотрудничество с Обществом Роберта Хавеманна, занимающимся историей диссидентского движения. Деятельность оппозиции была отражена в местах памяти (Сионкирхе, Николайкирхе), музеях, временных выставках. Эта тема была инструментализирована исторической политикой. Так, в проекте памятника «Свобода и Единство», посвященного мирной революции 1989 г., были объединены борьба оппозиции за свободу и стремление к объединению, хотя многие диссиденты выступали не за присоединение к ФРГ, а за реформы в Восточной Германии при сохранении ее независимости. В трактовке же этого памятника объединение показано безальтернативным следствием событий осени 1989 г., вызванных неправовым характером ГДР. Решение о строительстве памятника было принято бундестагом в 2007 г., однако в 2016 г. строительство было приостановлено из-за финансовых вопросов⁷. По поводу данного решения бывший председатель бундестага Вольфганг Тирзе заявил: «Вряд ли можно было еще более явно выразить свое пренебрежение к мирной революции» [29].

⁵ Нейтральные предметы быта в этом музее показаны как доказательства проникновения диктатуры в частную жизнь. Так, палатка или дача в Музее повседневности ГДР иллюстрирует не отдых, а стремление сбежать от тоталитарной действительности.

⁶ Так, мастер-класс, в котором детям предлагается собрать Westpaket — посылку в ГДР от западно-германских родственников, что должно продемонстрировать проблемы с продуктами в Восточной Германии.

⁷ О том, что высокая стоимость (11 млн евро) проекта была лишь поводом для приостановки, свидетельствует последнее решение комиссии, утвердившей на месте предполагаемого строительства памятника восстановление кайзеровской колоннады (18,5 млн евро).

Изменения исторической политики выразились и в праздновании торжественных мероприятий. Днем немецкого единства было выбрано 3 октября — день подписания договора об объединении. 9 ноября, день падения Берлинской стены, было отклонено, т. к. именно этим числом датируется много значимых событий немецкой истории, включая Хрустальную ночь. 9 октября состоялась лейпцигская демонстрация, но эта дата не отражала вклад западных немцев. 17 июня, бывшее в Боннской республике праздником Днем единства⁸, но не имеющее большого значения для восточных немцев, стало Днем поминовения жертв диктатуры СЕПГ. Выбор 3 октября вызывал нарекания как отражающий не борьбу восточных немцев, а политику Коля и договор «в верхах». Согласно опросам 2006 г., не менее $\frac{2}{3}$ населения востока не считали его праздником [8]. В связи с этим последние 15 лет все более торжественно празднуется 9 ноября как символ народного волеизъявления.

Концепция празднования 9 ноября также менялась. В 1999 г. юбилей падения Стены праздновался скромно, не был отражен вклад народа и оппозиции, были полностью исключены любые ностальгические воспоминания о «круглом столе»⁹. Через десять лет — в 2009 г., на пышных официальных мероприятиях уже присутствовала значительная часть представителей восточногерманского гражданского движения. Основное внимание уделялось мирной революции в ГДР [14].

В ответ на критику асимметрии в переработке прошлого в последние годы началось критическое изучение истории ФРГ. Так, уполномоченная правительства по вопросам культуры и СМИ Моника Грюттерс в 2016 г. инициировала изучение связей с нацизмом сотрудников различных ведомств ФРГ эпохи Аденауэра. Данная проблематика нашла отражение и в выставке «Топография террора» в Берлине.

По-прежнему дискуссионным остается признание достижений ГДР. Партии ХДС/ХСС и СвДП отрицают наличие у ГДР положительных элементов. На сайте близкого ХДС Фонда Конрада Аденауэра даже есть отдельный блок, посвященный разоблачению «мифов о ГДР». «Союз90/Зеленые» и СДПГ отмечают некоторые успехи системы Восточной Германии — например вклад в равноправие женщин, развитие разнообразных форм семьи и дошкольного воспитания. Левая партия требует признания достижений социализма ГДР.

* * *

Таким образом, после воссоединения трактовка истории ГДР стала важным аспектом формирования немецкой идентичности, но формирование официальной интерпретации прошлого Восточной Германии остается нерешенной проблемой.

⁸ В честь выступления восточнонемецких рабочих 17 июня 1953 г., подавленного советскими войсками и полицией ГДР.

⁹ «Круглый стол» — совещательный орган правительства и оппозиции ГДР, большинство его участников выступало за сохранение реформированной республики.

В 1989–1990 гг. оппозиция ГДР требовала начать процесс преодоления прошлого, наказания виновных в злоупотреблениях властью. Это стремление поддерживало большинство населения Германии. Несмотря на критику, вскоре после воссоединения начался процесс изучения прошлого ГДР и его переосмысления.

Представляется, что решение начать переработку истории было верным. «Целительное забвение», на которое ссылаются сторонники «примирения», приводит не к решению проблем, а к их консервации. Используя терминологию историка и культуролога Алейды Ассман, отсутствие у жертв возможности рассказать о своем опыте, добиться судебной или символической справедливости ведет к «исторической травме» [1]. А травмы не исцеляются забвением — рано или поздно «забытые» проявления произвола всплывут в новом облике.

Представляется, что решение начать переработку истории было верным. «Целительное забвение» приводит не к решению проблем, а к их консервации. Отсутствие у жертв возможности рассказать о своем опыте, добиться судебной или символической справедливости ведет к «исторической травме». А травмы не исцеляются забвением — рано или поздно «забытые» проявления произвола всплывут в новом облике.

Однако, признавая необходимость переосмысления истории, важно отметить, что в ее осуществлении были допущены ошибки.

Во-первых, основную роль в переработке прошлого ГДР взяли на себя западногерманские элиты. Преодоление истории может быть успешным, только если оно исходит из самого общества, а не насаждается извне. В противовес данному тезису часто приводится в пример успешный вклад в денацификацию немецкого общества западных союзников. Однако, с точки зрения автора, деятельность союзников по преодолению истории национал-социализма не принесла значительных плодов. Несмотря на все мероприятия, например, организованные союзниками посещения освобожденных концлагерей, — согласно статистике, в 1948 г. 55% западных немцев считали национал-социализм хорошей, но плохо реализованной идеей, 33% считали, что евреи не могут иметь равные права [6]. Не вызвала широких протестов амнистия нацистских преступников. Изменения в западногерманском обществе, действительная денацификация, признание преступлений НСДАП начались только по инициативе самого немецкого народа — групп интеллектуалов,

молодежи поколения 1968 г. Соответственно, изменений в переосмыслении истории ГДР можно достигнуть, только если основная роль в этом процессе будет принадлежать самим восточным немцам. Тезис о том, что западным немцам пришлось «взять на себя роль союзников» из-за отсутствия восточногерманской элиты, также не представляется убедительным. В первый период после воссоединения инициативы по сохранению и доступу к архивам Штази принадлежали оппозиции ГДР.

Во-вторых, преодоление истории осуществлялось западными элитами с высокомерием, восточным немцам приходилось выслушивать, что все они виноваты в проживании в неправовом государстве. При этом даже бывшие восточногерманские оппозиционеры были лишены возможности на равных выступать с критикой прошлого и настоящего ФРГ, поскольку, по утверждению писателя Йоахима Вальтера, человека, критикующего западногерманскую систему ценностей, «тут же заподозрят в наивном романтизме или... в тайном тоталитаризме и преднамеренном обмане» [3. С. 125]. Также протесты вызывали предложения уроженцев бывшей ГДР совместно преодолевать прошлое — например идея проверок и западных, и восточных немцев на предмет сотрудничества со Штази. В связи с этим, согласно статистике, большая часть жителей новых федеральных земель ощущала себя гражданами «второго сорта».

В-третьих, вся история ГДР была ограничена темами преступлений Штази и разделения. Большая часть населения, которая «пыталась устроить свою жизнь в реальном социалистическом быту» [3. С. 126], не могла вписать себя в эту историю. Не был отражен вклад восточногерманского сопротивления в крушение режима.

Ответом на это стали критика исторической политики некоторыми представителями политической элиты и населением новых федеральных земель, а также рост популярности феномена остальгии. Восточные немцы стремились помешать забвению «своей ГДР», утвердить собственную идентичность, перестать быть «второсортными» западными немцами, но стать «первосортными» восточными, показать, что в прошлом ГДР, помимо надзора Штази и жестокого пограничного режима, была еще повседневная жизнь, жили люди, которые не были ни доносчиками, ни оппозиционерами.

Рост недовольства в новых федеральных землях способствовал изменению исторической политики. Во второй половине 2000-х гг. была отмечена неправомочность приравнивания режима СЕПГ к диктатуре НСДАП, больше внимания стало уделяться вкладу оппозиции в свержение режима СЕПГ, важным нововведением было появление в исторической политике наиболее дискуссионной проблематики — темы повседневности. В последние два года при содействии правительства ведется критическое переосмысление некоторых аспектов истории Западной Германии, что отчасти снимает обвинения в двойных стандартах. Данные изменения становятся продуктивными, но темы повседневности и оппозиционной борьбы искажаются и инструментализируются. Повседневность ГДР показывается как попытка граждан ГДР сбежать от диктатуры в свой внутренний мир, а при отображении оппозиции

не уделяется внимание стремлению сохранить реформированную ГДР. Значительная доля спорных политических мер западногерманского правительства, например, постановление «О радикальных элементах» (Radikalenerlass), запрещающее принимать на государственную службу лиц, связанных с коммунистической партией, левыми и правыми силами, — по-прежнему остается не переработанным.

О том, что трудности в формировании официальной трактовки истории Восточной Германии сохранятся надолго, свидетельствуют данные опросов старших школьников, родившихся после воссоединения. Восточногерманские учащиеся представляют ГДР лучше, чем западные, и перенимают воспоминания своих родителей о прошлом.

Не вызывает сомнения необходимость продолжать переработку истории ГДР, при этом уделяя большее внимание представлениям о Восточной Германии, сложившимся у граждан бывшей ГДР, и предоставив ведущую роль восточногерманским исследователям и активистам. Однако сейчас, в условиях роста правых и протестных настроений в новых федеральных землях, это будет сделать гораздо сложнее.

Литература

1. **Ассман А.** Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014.
2. **Браун М.** «Офицеры по руководству», «оперативные работники», «неофициальные сотрудники» (Влияние МГБ на литературу ГДР) // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М. : Рудомино, 1994.
3. **Вальтер Й.** Певчие вороны, каркающие соловьи // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР).
4. Гуд бай, Ленин — Здравствуй, ГДР? — <http://www.dw.de/a-987977> (дата обращения: 20.12.2016).
5. Депутаты бундестага решают, проверять ли им самих себя. — <http://www.dw.com/ru/a-966929> (дата обращения: 21.12.2016).
6. **Лёзина Е.** Источники изменения официальной коллективной памяти (на примере послевоенной ФРГ). — <http://urokiistorii.ru/memory/conf/51112> (дата обращения: 11.12.2016).
7. **Лёзина Е.** Юридическо-правовая проработка прошлого ГДР в объединенной Германии. — <http://urokiistorii.ru/history/soc/51880> (дата обращения: 10.12.2016).
8. «Осси» и «весси»: 16 лет вместе. — <http://www.dw.de/a-2192056> (дата обращения: 10.01.2016).
9. Символическая политика : сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; отв. ред. О. Ю. Малинова. М. : ИНИОН РАН, 2012. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс.
10. **Ahbe T.** Ostalgie. Zu ostdeutschen Erfahrungen und Reaktion nach dem Umbruch. Thüringen : Landeszentrale für politische Bildung, 2016.
11. Bericht der Enquete-Kommission «Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der SED-Diktatur in Deutschland». — <http://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/pressemitteilungen-2012-3385,446,18.html> (дата обращения: 30.11.2016).
12. Beschlußempfehlung und Bericht des Innenausschusses (4. Ausschuß) zu dem Antrag Gedenkst tten des geeinten Deutschlands, Antrag Leitlinie zu den Gedenkstätten in der Bundesrepublik Deutschland, Antrag Gedenkstätten ehemaliger NS-Konzentrations- und Vernichtungslager in Osteuropa, Antrag Mahn- und Gedenkstätten in der Bundesrepublik Deutschland. — <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/12/078/1207884.pdf> (дата обращения: 12.12.2016).

13. Bundestagswahlprogramm der Partei DIE LINKE Beschluss des Bundestags-Wahlparteitags 2009 der Partei DIE LINKE 20./21. Juni 2009 in Berlin. — http://die-linke.de/fileadmin/download/wahlen/pdf/Beschluss_Bundestagswahlprogramm_redTB_revMS_final.pdf (дата обращения: 30.11.2016).
14. **Calabretta C.** Feiern und Gedenken. Zur Entwicklung einer gemeinsamen Erinnerungskultur seit dem 3. Oktober 1990 // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2015. № 33—34.
15. **Christoph K.** «Aufarbeitung der SED-Diktatur» — heute so wie gestern? // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2013. № 42—43.
16. **Christoph K.** Ostalgie — was ist das eigentlich? // Deutschlands Archiv. 2006. № 39.
17. Die Aufarbeitung ist gescheitert. — <http://www.taz.de/Historikerstreit-ueber-DDR-Forschung/!5293270/> (дата обращения: 15.01.2017).
18. **Duetz-Schroeder M., Schroeder K.** Oh, wie schön ist die DDR. Schwalbach : Wochenschau Verlag, 2009.
19. **Duetz-Schroeder M., Schroeder K.** Soziales Paradies oder Stasi-Staat? Das DDR-Bild von Schülern — ein Ost-West-Vergleich. München : Verlag Ernst Vögel, 2008.
20. Fortschreibung der Gedenkstättenkonzeption des Bundes Verantwortung wahrnehmen, Aufarbeitung verstärken, Gedenken vertiefen. — <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/16/098/1609875.pdf> (дата обращения: 25.12.2016).
21. Konzeption der künftigen Gedenkstättenförderung des Bundes und Bericht der Bundesregierung über die Beteiligung des Bundes an Gedenkstätten in der Bundesrepublik Deutschland. — <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/14/015/1401569.pdf> (дата обращения: 10.01.2017).
22. **Marxen K., Werle G., Schäfer P.** Die Strafverfolgung von DDR-Unrecht. Fakten und Zahlen. Berlin : Stiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur, 2007.
23. Mehrheit der Ostdeutschen sieht DDR positive. — <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/studie-mehrheit-der-ostdeutschen-sieht-ddr-positiv-a-632751.html> (дата обращения: 22.12.2016).
24. **Pickel G.** Neue Entwicklungen der politischen Kultur. Politische Einstellungen im wiedervereinten Deutschland: Neue Krisenerscheinungen oder doch alles beim Alten? // Standortbestimmung Deutschlands: Innere Verfasstheit und internationale Verantwortung. Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 2015.
25. Schlußbericht der Enquete-Kommission «Überwindung der Folgen der SED-Diktatur im Prozeß der deutschen Einheit». — <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/13/110/1311000.pdf> (дата обращения: 18.12.2016).
26. Sollte man endlich aufhören danach zu fragen, ob jemand in der DDR für die Stasi gearbeitet hat? — <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/173483/umfrage/nicht-mehr-nach-stasi-vergangenheit-fragen/> (дата обращения: 23.12.2016).
27. **Steinbach P.** Gescichte im politischen Kampf. Bohn : Verlag J.H.W. Dietz Nachf. GmbH, 2012.
28. **Stockemer D., Elder G.** Germans 25 years after reunification — How much do they know about the German Democratic Republic and what is their value judgment of the socialist regime? // Communist and Post-Communist Studies. 2015. № 48.
29. Streit um Einheitsdenkmal. Es lebe der Kaiser. — <http://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/berlin-streit-um-einheitsdenkmal-die-kaiserzeit-lebt-a-1123153.html> (дата обращения: 26.11.2016).
30. **Thumfart A.** Die politische Integration Ostdeutschlands. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2002.
31. Verantwortung wahrnehmen, Aufarbeitung verstärken, Gedenken vertiefen (Fortschreibung der Gedenkstättenkonzeption gemäß Koalitionsvertrag vom 11.11.2005 zur Vorlage an den Ausschuss für Kultur und Medien des Deutschen Bundestages) Entwurf. — http://havemann-gesellschaft.de/fileadmin/Redaktion/Aktuelles_und_Diskussion/Gedenkstaek.konzeption_22.6.07.pdf (дата обращения: 19.12.2016).
32. **Wentker H.** Unausgewohnheiten und Schlagseiten. Eine kritische Stellungnahme zu den Empfehlungen der «Sabrow-Kommission» // Deutschland Archiv. 2006. № 39.
33. 20 Jahre friedliche Revolution 1989 bis 2009 — Die Sicht der Bürger der neuen Bundesländer. — http://www.sfz-ev.de/index_htm_files/Studie_20_Jahre_friedliche_Revolution.pdf (дата обращения: 10.12.2016). ◆